

(социальные кафе, бары, велопарки, спортивные площадки и т. п.). Наконец, четвертая и самая трудновыполнимая на сегодняшний день задача — это создание системы «социальных лифтов» для молодежи, формирование внятной и доступной системы карьерного и социального роста в регионе.

Хотелось бы верить, что органы законодательной и исполнительной власти когда-нибудь обратят внимания на описанные городские дисбалансы и будут реализовывать социальную и молодежную политику с учетом таких противоречий. В противном случае, уровень общеуголовной городской преступности будет с годами лишь увеличиваться.

Список использованной литературы

1. *Анисимов А. Г.* Распределение молодежной корыстно-насильственной преступности по районам города Иркутска // Проблемы современного российского законодательства, г. Иркутск, 18 окт. 2012 г. : материалы I Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2013. С. 230–234.

2. *Подольный Н. А.* Молодежная организованная преступность: определение и особенности // Криминологический журнал Байкальского Университета экономики и права. Иркутск, 2010. № 2. С. 34–39.

Информация об авторе

Анисимов Андрей Геннадьевич — инспектор отдела анализа, планирования и контроля штаба. ГУ МВД России по Иркутской области. (664003, г. Иркутск, ул. Литвинов, д. 15, e-mail: 7821@mail.ru).

УДК 343.973

ББК 67.513

Д. В. Бахарев

кандидат юридических наук

Сургутский государственный педагогический университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА И УРОВЕНЬ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Изложены общие предпосылки и алгоритм исследования взаимосвязи уровня преступности и степени сжатия социального пространства в российских регионах в контексте изучения причин территориальных различий преступности.

Ключевые слова: территориальные различия преступности; демографические процессы; миграция; урбанизация; социальное пространство региона; уровень преступности.

Преступность — явление социальное, а, следовательно, все происходящие с ней изменения обусловлены характером трансформации общественных процессов в целом. Многолетние и достаточно разнообразные эмпирические исследования взаимосвязи показателей преступности с другими статистическими сведениями, характеризующими иные стороны общественной жизни, осуществленные в привязке к населенным пунктам или административно-территориальным единицам другого уровня, сформировали целое научное направление — изучение территориальных различий преступности. Вопрос о месте, задачах и даже об окончательном наименовании данного направления в структуре криминологического знания пока остается дискуссионным, однако, в целом, результаты уже осуществленных в его рамках исследований, подтверждают гипотезу о социальном свойстве и структуре причин массовой активности людей в противоправной сфере.

Вместе с тем, значительные препятствия, стоящие на пути большей конкретизации данного тезиса (хотя, бесспорно, и без того имеющего важное теоретическое значение) в значительной мере не преодолены и по сей день. Об этом свидетельствует большая степень противоречивости выводов, сделанных и современными исследователями феномена причин территориальных различий преступности.

Во-первых, если в советский период наиболее негативный «оттенек» протекания преступных процессов наблюдался в тех территориальных образованиях (республиках, областях, краях, городах и т. д.), социально-экономическая сфера которых в изучаемый временной промежуток подверглась значительным трансформациям в позитивную сторону (рост масштабов производственной деятельности, приток трудовых ресурсов, рост доходов местного населения и т. д.) [1, с. 98, 123], то на постсоветском пространстве отмечались, скорее, противоположные тенденции — наибольший рост преступности отмечался в территориальных системах, отличавшихся повышенной степенью деградации занимаемого ими общественно-экономического пространства. Но и здесь не все было однозначно. При одинаковых темпах ухудшения социально-экономической ситуации в регионе, самая высокая амплитуда уровня преступности была характерна для территорий, расположенных в восточных частях страны (Урал и Сибирь), тогда как в регионах Центрального района России (в основном, относящихся к так называемому Не-

черноземью) статистикой фиксировался более «плавный» рост показателей преступности.

Во-вторых, если взять для анализа два «полоса» отечественной преступности, соответственно, с наименьшим и наибольшим ее уровнем по отдельным субъектам Федерации, то сформулировать определенную закономерность нахождения российских регионов в такой системе координат мы сможем только в отношении регионов, отличающихся наиболее высоким уровнем преступности за последнее десятилетие. Как правило, это, как уже указывалось ранее, восточные территории страны с ресурсно-ориентированной экономикой и значительной долей сельского населения, имеющего к тому же и сильную тенденцию к депопуляции (Республика Бурятия, Забайкальский край, Иркутская область, Курганская область и др.). Вместе с тем, до недавнего времени, в эту группу входили и противоположные по своему социально-экономическому профилю регионы, такие как индустриально развитые и высоко урбанизированные территории Урала-Пермский край и Свердловская область. Рассматривая, наоборот, регионы, тяготеющие к «положительному» полюсу тенденций преступности, то в их число, как ни странно, входят и наименее развитые как в экономическом, так и социальном плане республики Северного Кавказа; и, напротив, динамично развивающиеся в данном отношении территории Центра и Юга России (Краснодарский край, Белгородская, Воронежская и др.); а также, такой, значительно уступающий им по темпам, но отличающийся хорошими показателями сбалансированности социально-экономического развития, регион Поволжья как Республика Мордовия; и еще (что необъяснимо) несколько регионов, находящихся длительное время в состоянии стагнации, например, Пензенская и Рязанская области.

Еще большей «пестротой» в рассматриваемом отношении отличается вся срединная группа регионов, проранжированных в зависимости от динамики преступности в них. Их нельзя объединить в одну группу ни в какой из известных сейчас криминологам классификаций территориальных систем, построенных в зависимости от различных критериев социально-экономического развития. Однако важно отметить, что сохраняется пусть и не часто встречающаяся значительная динамическая «подвижность» регионов между описанными «полосами» уровня преступности [2]. Это означает, что объективно существуют и закономерности формирования век-

тора такого движения, однако, в криминологической науке они опять же четко не сформулированы.

И наконец, если мы обратимся к одному из традиционных направлений исследований в рамках изучения территориальных различий преступности, а именно, анализу роли демографических процессов (в частности, урбанизации и миграции населения) в формировании подобных различий, то обнаружим, что не все, казалось бы, давно устоявшиеся теоретические воззрения на этот счет отражают реалии сегодняшнего дня. Ведь даже предварительное изучение показателей преступности в регионах с наибольшим оттоком и притоком мигрантов и, соответственно, пониженным или повышенным уровнем урбанизированности данных территорий, свидетельствует о том, что показатели преступности в регионах первого типа значительно превышают аналогичные показатели в «успешных», с точки зрения демографической ситуации, регионах [3]. Эта ситуация значительно отличается от той, которую зафиксировала советская криминологическая наука [4, с. 86–88], поэтому и более углубленное изучение данной проблемы, скорее всего, даст нам основание для пересмотра уже устоявшихся представлений о роли демографических процессов в генезисе преступности.

На наш взгляд, достаточно перспективными будут исследования в данной области, базирующиеся на следующих исходных методологически посылах. Главным показателем социального и экономического благополучия пространственных систем любого уровня (за исключением, пожалуй, северокавказских республик России, ввиду исторически сложившейся там специфики общественного уклада) является, по нашему мнению, демографическая обстановка. Именно демографические показатели вкупе с данными о миграционном балансе наиболее тесно и полно коррелируют с общим «жизненным» климатом, сформировавшимся в исследуемой местности или населенном пункте. Поэтому данные об изменении уровня рождаемости и смертности, общем приросте или уменьшении численности населения, оттоке или притоке переселенцев, являются, на наш взгляд, не менее точными индикаторами состояния социально-экономической ситуации по сравнению с данными, характеризующими уровень и качество жизни. Хотя, бесспорно, и эта группа статистических показателей должна быть рассмотрена и принята в расчет.

Своеобразным комплексным показателем состояния демографической ситуации на уровне отдельного региона и, соответствен-

но, общей его привлекательности для жизни, с точки зрения людей, является степень сжатия освоенного пространства региона. Она может быть определена на основе сопоставления данных о динамике изменения численности населения и населенных пунктов административных или экономических районов, являющихся периферийными по отношению к столице и крупным городам региона, с подобной информацией, но уже в отношении самого административного центра региона, крупнейших его городов и окружающих их административных (экономических) районов. В наименее выгодном отношении с точки зрения оценки общей социально-экономической ситуации будут выглядеть те регионы, в которых сжатие их пространства по направлению от периферии к центру будет сочетаться с негативной динамикой демографических показателей в самом центре региона. Такая обстановка, с точки зрения теории, говорит об общей деградации жизненного пространства данного региона.

Поэтому крайне любопытным (в разрезе теории социальных факторов преступности) видится следующий алгоритм исследования: общая оценка регионов России, с точки зрения их социально-экономической привлекательности для жизни (на основе изучения демографической статистики по ним), выделение субъектов Федерации, выступающих лидерами и аутсайдерами в процессе воспроизводства, накопления и привлечения человеческого капитала, а также дифференциация отечественных регионов по степени остроты проблемы сжатия их пространства; сопоставление этой информации с данными об уровне, состоянии и динамике преступности в рассматриваемых регионах.

Список использованной литературы

1. *Бабаев М. М., Кузнецова Э. В., Урланис Е. Б.* Влияние демографических процессов на преступность. М., 1976. 176 с.
2. *Бахарев Д. В.* Разработка и анализ криминологической классификации регионов Российской Федерации в 2001–2009 гг. с использованием кластерного подхода // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях : материалы междунар. науч.-прак. конф. Тюмень, 2011. С. 63–67.
3. *Бахарев Д. В.* Характер современных демографических процессов в России и их учет при изучении причин преступности // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее : материалы VIII Рос. конгресса уголовного права. М., 2013. С. 400–404.
4. Изучение преступности в городах и сельской местности / отв. ред. *И. И. Карпец*. М., 1971. 212 с.

Информация об авторе

Бахарев Дмитрий Вадимович — кандидат юридических наук, заведующий кафедрой экономики и права, доцент кафедры экономики и права. Сургутский государственный педагогический университет (628400, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2, e-mail: demetr79@mail.ru).

УДК 343.13
ББК 67.410

М. В. Вольская
Восточно-Сибирский институт МВД России

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Рассмотрены отдельные нормы уголовно-процессуального законодательства применительно к области использования специальных знаний в уголовном процессе. Вносится предложение о законодательной регламентации общего понятия «специальных знаний». Рассматриваются вопросы совершенствования системы правового регулирования использования специальных знаний.

Ключевые слова: уголовный процесс; специальные знания; правовое регулирование.

Органы предварительного следствия и дознания ежедневно связывают свою профессиональную деятельность с использованием новых информационных технологий, усовершенствованных систем связей, автоматизированных программно-технических комплексов в делах по раскрытию и расследованию преступлений. Использование перечисленных инновационных средств объясняется высоким ростом преступной деятельности злоумышленников, которые все чаще применяют современные разработки и методы из различных областей знаний при совершении преступлений.

Профессиональная деятельность следователя невозможна без информации, полученной на основе специальных знаний сведущих лиц. В большинстве случаев использование таких сведений разрешает вопрос о возбуждении уголовного дела или отказе в возбуждении уголовного дела. Примером таких преступлений, может служить: незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов; незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств и др.